

**Материалы Приполярной переписи 1926/27 гг. как исторический источник
для обоснования прав коренного населения на территории
традиционного природопользования**

Клоков К.Б.

*(Сообщение подготовлено в рамках международного проекта Университета города
Тромсё)*

Наличие у коренных народов прав на землю и биологические ресурсы относится к числу основных условий устойчивости их социумов. В России проблема защиты таких прав и по сей день остается актуальной, хотя в других северных странах после длительного процесса урегулирования земельных конфликтов было найдено ее более или менее удовлетворительное решение. Важную роль при этом сыграли исторические источники, подтверждавшие фактическое использование той или иной территории общинами коренных жителей. В России одним из таких источников могли бы стать материалы Приполярной переписи 1926/27 гг., содержащие уникально подробную информацию о коренном населении российского Севера и его традиционном хозяйстве в первые годы Советской власти, когда еще не прошла коллективизация и земелпользование коренного населения в основном еще сохраняло свой самобытный характер. По свидетельству Д.Андерсона [1], в Канаде аналогичные им исторические данные часто имели решающее значение при решении судами вопроса о земельных правах аборигенных общин. С этой целью их вводили в геоинформационные системы и представляли в виде карт использования земель той или иной общиной. Широко известно, что на американском Севере уже давно выработаны специальные юридические процедуры рассмотрения «земельных требований» (land claims) общин коренных жителей, в результате которых претензии аборигенов на получение особых прав на традиционно занимаемые ими земли и на доступ к природным ресурсам могут быть либо удовлетворены (полностью или частично), либо отклонены [2].

В России критерии определения земельных прав коренного населения на так называемые «родовые угодья» еще не выработаны. До настоящего времени отсутствует и специальное понятие для обозначения «земельного требования» со стороны конкретной группы коренного населения, например, поселковой или кочевой общины, претендующей на владение промысловыми угодьями или оленьими пастбищами. Незаработанность процедуры предоставления земель для традиционного природопользования до сих пор остается основой причиной того, что принятый еще в 2001 году федеральный закон «О территориях традиционного природопользования ...» практически бездействует.

Особое значение материалов Приполярной переписи 1926/27 гг. для обоснования земельных прав коренного населения российского Севера связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, Приполярная перепись впервые представила достоверные свидетельства того, что промысловые угодья тайги и тундры не были «ничьей» землей, которая могла быть беспрепятственно занята переселенцами из центральных районов страны, документально подтвердила их использование конкретными группами коренного населения в качестве территорий традиционного природопользования.

Во-вторых, перепись с очевидностью показала наличие на Севере земельных конфликтов. Основываясь на ее результатах, А. Скачко [3] писал: «Как до революции переселенческое движение сопровождалось фактической экспроприацией земель туземцев, так и теперь русские остаются экономически более сильной группой, которая продолжает теснить коренных жителей с лучших земель и промысловых угодий». Факты вытеснения были подтверждены Приполярной переписью для тех северных районов, где к тому времени уже существовали русские промысловые поселения. Например, П.И.Барский – один из регистраторов переписи в Архангельской губернии – написал в своем отчете: «В отношении рыбных угодий самоеды очень теснятся русскими. На лучших рыболовных участках (р.Васкина, Великая, Волрига и др.) русские промышленники строят промысловые избышки и нередко лишают самоеда возможности заниматься рыбной ловлей в реках, искони принадлежащих самоедам» [4].

Проведенное вскоре после Приполярной переписи в северных районах земледовоустройство хотя и имело одной из своих задач предотвратить такого рода конфликты, так и не стало – как это первоначально декларировалось – основой для выделения земель и акваторий для туземного хозяйства, а послужило целям коллективизации аборигенных хозяйств, их седентаризации и формирования колхозно-совхозной системы землепользования. После того как в 1935 г. Комитет Севера был ликвидирован, надолго прекратилось и обсуждение вопросов об особом статусе для земель традиционного природопользования. Лишь в постсоветское время эта проблема вновь начала обсуждаться, в результате чего и был принят уже упомянутый выше и поныне бездействующий закон о территориях традиционного природопользования.

В-третьих, материалы Приполярной переписи дают возможность более последовательно проводить в жизнь уже существующие законодательные акты и более содержательно интерпретировать их понятийный аппарат. В частности, они могут помочь более четко определить цели и предмет законодательного регулирования и круг лиц, на которые распространяется его действие.

Так, в основных федеральных законах, призванных защищать земельные права коренного населения (ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и «О территориях традиционного природопользования...»), используются два основополагающих понятия: «традиционный образ жизни», под которым понимается исторически сложившийся способ жизнеобеспечения коренных народов, основанный на «историческом опыте их предков в области природопользования, самобытной социальной организации проживания, самобытной культуры, сохранения обычаев и верований», и «исконная среда обитания» – «исторически сложившийся ареал, в пределах которого коренные малочисленные народы осуществляют культурную и бытовую жизнедеятельность, и который влияет на их самоидентификацию, образ жизни» [5].

Материалы, представленные Приполярной переписью, дают возможность документально подтвердить для конкретных групп коренного населения, во-первых, наличие у них исторического опыта традиционных форм природопользования в пределах соответствующего кормящего ландшафта, во-вторых, наличие исторически сложившегося ареала, в пределах которого они осваивали охотничьи, рыболовные и иные угодья и оленьи пастбища.

Исходя из этих определений, данные Приполярной переписи могут быть использованы в рамках уже существующего законодательства для обоснования размеров и формального определения границ конкретных территорий традиционного природопользования при их юридическом оформлении.

Путем картографирования данных о традиционном природопользовании, содержащихся в похозяйственных карточках, поселенных бланках и других материалах Приполярной переписи, можно, во-первых, обозначить в каждом регионе границу, оконтуривающую зону традиционного природопользования северных народов в целом. Такая граница может быть законодательно утверждена как внешняя линия, в пределах которой права коренного населения на выделение специальных территорий традиционного природопользования имеют законную силу. Во-вторых, таким путем можно выявить и дать исторически документированное обоснование границ той части участка кормящего ландшафта, с которым исторически связана каждая конкретная территориальная группа (община) коренных жителей.

В наших предыдущих публикациях [6] для обозначения таких участков был предложен специальный термин «локальный этнохозяйственный ареал». В принципе, каждый локальный этнохозяйственный ареал может быть оформлен как территория традиционного природопользования, находящаяся в ведении определенной общины коренного населения. С этой целью данные Приполярной переписи и других источников могут быть введены в геоинформационную систему и представлены в виде исторической

карты традиционного природопользования. Кроме этого, для каждой поселковой или кочевой общины целесообразно подготовить историческую справку, подтверждающую фактическое использование ею промысловых угодий и оленьих пастбищ в течение длительного периода. Это создаст основание для того, чтобы после рассмотрения вопроса с точки зрения исключения или минимизации конфликтов с другими группами населения этнохозяйственный ареал был законодательно закреплён за общиной, члены которой имели бы исключительное право заниматься там традиционными видами природопользования. Закон должен гарантировать неотчуждаемость прав поселковой общины на эту территории.

Исследования по выявлению и систематизации материалов Приполярной переписи, проведенные под руководством Д. Андерсона в рамках ряда международных проектов, позволили сконцентрировать в рамках специальной базы данных значительный объем информации, которая может быть использована как основа для оформления прав коренных жителей на территории традиционного природопользования.

Источники

1. Андерсон Д. Туруханская переписная экспедиция 1926-27 гг. на перекрестке двух научных традиций. В кн. Туруханская экспедиция Приполярной переписи: этнография и демография малочисленных народов Севера / Отв. ред. Д. Дж. Андерсон, Красноярск: Поликолор, 2005. Сс. 7-33.
2. Крибл Р. Нормативно-правовые основы положения аборигенов Канады // Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии. М., "Стратегия", 2002. Сс. 135-146; Фиске Дж. Неотъемлемые права Первых наций Канады на природные ресурсы: «традиционное природопользование» и современная практика // Там же, сс. 147-158.
3. Скачко, А. Народы Крайнего Севера и реконструкция северного хозяйства. Л., Издательство института народов Севера, 1934. 74 с.
4. П.И.Барский. Приполярная перепись 1926 года. ЗАНЯТИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ. (Архивный отдел администрации Ненецкого АО, ф. 5, оп. 1, д. 3, лл. 18-41).
5. Павлов П.Н. Комментарий к федеральному закону «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». М., 2001. Издание АКМНС, 127 с.
6. Клоков К.Б. Традиционное природопользование народов Севера: концепция сохранения и развития // Этногеографические и этноэкологические исследования, вып.5, изд. НИИГ СПбГУ, СПб., 1997, 91 с. ; Клоков К.Б. Традиционное природопользование коренных малочисленных народов Севера (географические и

социально-экологические проблемы). Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. докт. географ. наук. ИГ РАН. М., 1998. 48 с.

Резюме

Материалы Приполярной переписи 1926/27 гг. как исторический источник для обоснования прав коренного населения на территории традиционного природопользования

Клоков К.Б.

В России проблема защиты прав коренных народов на землю и биологические ресурсы – одного из основных условий их существования – до сих пор не решена. В других северных странах найдено ее более или менее удовлетворительное решение, в котором важную роль сыграли исторические источники, подтверждавшие фактическое использование территории аборигенными общинами. В России одним из таких источников являются материалы Приполярной переписи 1926/27 гг., содержащие уникально подробную информацию о коренном населении Севера и его традиционном хозяйстве в первые годы Советской власти. Исследования по выявлению данных Приполярной переписи в региональных архивах проводятся в рамках международного проекта Университета города Тромсё и ряда других проектов под руководством Д. Андерсона. В докладе изложены основные пути использования сформированной в результате этих исследований базы данных для обоснования прав коренного населения на территории традиционного природопользования с учетом специфики российского федерального законодательства.